

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том № 268

ноябрь

1999

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант — 1561-7793; электронный вариант — 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного Центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОРЫ

- Зиновьев В.П.** Исследования по истории Сибири в Томском государственном университете
в конце 1980-х – 1990-е гг. 4

ИСТОРИЯ. КРАЕВЕДЕНИЕ

- Сагалаев А.М.** Архаичное миропонимание и современный менталитет России
(к постановке проблемы) 9
- Казаркин А.П.** Идеи областничества и евразийства в литературе Сибири 11
- Кулемзин В.М.** Традиционные культуры Сибири: народное сознание и рыночные отношения 13
- Жеравина А.Н.** П.И.Макушин и «Детский сад по методу Фребеля» в Томске 14
- Малолетко А.А.** Казаки в истории Кольваново-воскресенского
(Алтайского) горного округа (1726–1917 гг.) 19
- Есипова В.А., Климкин В.М., Чернявская Ю.О.** Бумага как исторический источник:
некоторые перспективы изучения 22

ПОТАНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

- Завещание и смерть Н.М.Ядринцева.** Публикация и научный комментарий Серебренникова Н.В. 26
- Письма А.В. Лаврской (Потаниной) Н.М. Ядринцеву (1873–1874 гг.).**
Публикация и научный комментарий Серебренникова Н.В. 31

ФИЛОЛОГИЯ

Литературоведение

- Поплавская И.А.** Мотив покоя в раннем творчестве В.А. Жуковского 34
- Яиушкевич А.С.** К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Из статей в «Онегинскую энциклопедию» 37
- Седельникова О.В.** Формирование почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского 45
- Казак А.А.** Архетип смерти в структуре «финальной гармонии» Ф.М. Достоевского 54
- Реморова Н.Б.** Кедрин и Ходасевич. «Стагги о русской поэзии» В. Ходасевича
в чтении и восприятии Дм. Кедрина (по материалам кедринской библиотеки) 58
- Рыбальченко Т.Л.** История литературы XX века как история литературных течений 68
- Антошина Е.В.** Ранняя проза В. Набокова в контексте христианской философии искусства 73
- Письма Ф.П. Литке к В.А. Жуковскому.** Публикация, научный комментарий
и примечания Реморовой Н.Б. 76

Языкознание

- Резанова З.И.** Язык и человек: субъектно-объектные отношения (варианты интерпретации
в европейской культурной традиции) 86
- Иванцова Е.В., Волкова Т.Ф.** Отражение языковой картины мира в сравнениях диалектной личности 89
- Блинова О.И.** О чем звонят колокола? (стилистические этюды) 94
- «... я, может быть, стал более строго отбирать слова и потому достиг некоторого совершенства»**
(к 100-летию со дня рождения М.В. Исаковского) 96

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Петров Ю.В.** Философия как философия культуры 98
- Видгоф В.М.** Эстетическая реальность как предмет философской рефлексии 101
- Доманский В.А.** Диалог культур и диалог в культуре при изучении литературы 106
- Барнашова Е.В.** Взаимосвязь натуралистических и эстетствующих тенденций
в европейской художественной культуре XIX века 110

ПСИХОЛОГИЯ

- Кабрин В.И.** Транскоммуникативная холодинамика психологического универсума личности
(«Стресс – Транс – Формация») 115
- Рождественская Е.А.** Особенности проявления тревожности и ригидности
в актуальном состоянии преподавателей, переживающих коммуникативный стресс 120

ИСТОРИЯ ТГУ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

- Разумов О.Н.** Александр Михайлович Сибиряков – предприниматель, меценат, исследователь
(к 150-летию со дня рождения) 123

Могильницкий Б.Г. Из истории становления исторического образования в ТГУ: А.И. Данилов – создатель Томской историографической школы	126
Галкина Т.В., Топчий А.Т. Первый этнограф Томского университета	133
Кабрин В.И. Факультет психологии ТГУ	137
Петров Ю.В. Культура как самоосуществление духа (к пятилетию открытия культурологического факультета)	140
Гураль С.К. Факультету иностранных языков – 5 лет	144

КОНФЕРЕНЦИИ. СИМПОЗИУМЫ

Международный симпозиум «Психологический универсум образования человека ноэтического» (г. Томск, 27–29 сентября 1998 г.)	148
Клюевская конференция в Томске (16–18 сентября 1999 г.)	150
Девятая конференция «Проблемы метода и жанра» (г. Томск, 8–10 декабря 1998 г.)	152
Семинарий библиотеки Конгресса США в Томске (ноябрь 1998 г.)	154

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Вершинский словарь	155
Пойзнер Б.Н. Наследие РАХН – университет для гуманитариев университета	156

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДИКИ

Можаева Г.В., Вымятнин В.М. Дистанционное обучение в преподавании истории: проблемы и перспективы	158
Абакумова Н.Н., Комаровская Л.В. Опыт формирования учебных программ на основе комплексного компьютерного тестирования школьников	161

ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Михалева Л.В. Педагогическая эффективность реализации дидактических принципов обучения в учебном процессе в ВУЗе	167
Обдалова О.А. Особенности урока иностранного языка в ВУЗе как сферы воздействия иной культуры	169

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Наши юбилары

Черкасова О.Г. (с. 172), Петров Ю.В. (с. 173), Сотников В.В. (с. 175), Симахина Л.Ф. (с. 176), Захарова Л.А. (177), Хмылев Л.Н., Николаева И.Ю. Учитель, который учит букве, а укрепляет дух	178
Голишева Л.А. (с. 184), Янушкевич А.С. (с. 186), Баронас А.П. (с. 187), Дунаева Н.Л. (с. 187), Бурова Т.Т. (с. 188)	

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	189
-----------------------------------	-----

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	192
---	-----

CONTENTS

REVIEWS

V.P. Zinovyev Study of the history of Sideria of Tomsk State University end of 1980s – 1990s	4
--	---

HISTORY. COUNTRY STUDI

A.M. Sagalaev. Archaic world outlook and modern mentality of Russia	9
A.P. Kazarkin. Regional and euroasian ideasin the literature of Siberia	11
V.M. Kulemzin. Traditional cultures of Siberia: peopl's consiousness and market relationships	13
A.N. Zheravina. P.I. Makushin and «kindergarten by Frebel method» in Tomsk	14
A.A.Maloletko. Cossacs in history of the Kolyvano-voskresensk (Altai) mountain region (1726–1917)	19
V.A. Esipova, V.M. Klimkin, Y.O. Tschernjavskaja. Paper as a historical source: some perspectives of studying	22

POTANIN'S READINGS

WILL AND DEATH OF N.M. JADRINSEV. Publication and scientific commentaries by N.V. Serebrennikov	26
THE LETTERS OF A.V. LAVRSKAYA (POTANINA) N.M. JADRINTSEV (1873–1874). Publication and scietific commentaries by N.V. Serebrennikov	31

PHYLOLOGY

Literary criticism

I.A. Poplavskaya. The motiveof rest in the early works of V.A. Zhukovsky	34
A.S. Yanushkevich. To the 200th anniversary from the birst of A.S. Pushkin From the articles in «Onegin-encyclopaedia»	37
O.V. Sedelnikova. About the forming of Dostoevskiy pochvenichestvo	45
A.A. Kazakov. The archetype of the death in the structure «the final harmony» by Dostoevsky	54
N.B. Remorova. Kedrin and H0dasevich. «Articles about russian poetuy» of V. Hodasevich in the reading andperception of Dm. Kedrin (on the materials of kedrin's library)	58
T.L. Ribalchenko. The history of literature in the XXth century as the history of literany trends	68
E.V. Antoshina. Early prose of V. Nabokov in the context of christian art philosophy	73
LETTERS OF F.P. LITKE TO V.A. ZHUKOVSKY. Pablication, scientific comment and notes belong to N.B. Remorova	76

LINGUISTICS

Z.I. Rezanova. Language and man: subject-object relation	86
E.V. Ivantsova, T.F. Volkova. The reflection of the linguistic picture of the world in the compare suite of the dialectic personality	89
O.I. Blinova. What do the bells ring about? (stylistic essays)	94
«...may have begun to select words more carefully, that is why have reached some perfection» (the 100-th anniversary since the birth M.V. Isakovskiy)	96

CULTURE STUDY

Yu. V. Petrov. Philosophy as philosophy of culture	98
V.M. Vidgoff. Esthetic reality as a subject of philosophical reflexing	101
V.A. Domansky. Dialogue of cultures and dialogue in the culture of studying literature	106
E.V. Barnashova. A cjrrektion of naturalistic and aesthetic tendencies in european art cultura in the XIX anturu	110

PSYCHOLOGY

V.I. Kabrin The Psychological personality's universum transcommunicative holodynamics («Sress-Trance-Formation»)	115
E.A. Rozhdestvenskaya. The peculiarities of the teachers anxiety and rigity manifestation in the actual state of the communicative stress	120

THE HISTORY OF THE TSU AND HIGHER EDUCATION IN SIBERIA

O.N. Rasumov. Aleksander Michaylovich Sibiryakov – a manufacturer, mecenate, investigator (the 150-th anniversary since his birth)	123
B. G. Mogilnizky. From the history of historical education coming into existence at Tomsk State University: A.I. Danilov – founder of Tomsk historiographic school	126
A.T. Topchij, T.V. Galkina. The first ethnographer of Tomsk State Universiti	133
V.I. Kabrin. The psychology department of the TSU	137
Yu.V. Petrov. Culture as self-vealization of spirit (by the fifth anniversary of the opening of the culturological faculty)	140
S.K. Gural. Faculty of foreign languages – 5 years	144

CONFERENCES. SIMPOSIA

International symposium «Psychological universum of noetic person's education» (Tomsk 1998, september, 27–29)	148
Klujev's conference in Tomsk (1999, september, 16–18)	150
Ninth conference on «Problems of method and ganre» (Tomsk 1998, december, 8–10)	152
The semenary of the USA Congrtrss Librart in Tomsk (1998, november)	154

REVIEWS. CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

Vershin's dictionary	155
B.N. Poyzner. RAKhN Itgaky as university for university lectures of the humanities univtrsty	156

CURRENT TECHNOLOGITS AND METHODS

G.V. Mozhaeva, V.M. Vymyatnin. Distant learning in history training: problems and prospekts	158
N.N. Abakumova, L.V. Komarovskaya. The experience of educational programs development on the basis of the complex computer testing of pupils	161

PROBLEMS OF UNIVERSITY EDUCATION

L. V. Mikhaliyeva. Pedagogical effectiveness of the didactic principles realization in high school educational process	167
O.A. Obdalova. Peculiarities of foreign language teaching in high school as a sphere of another culture influence	169

MEMOIRS. MEMORY DATES. PERSONALITIES

Our jubilants

O.G. Cherkasova (p. 172), Yu.V. Petrov (p. 173), V.V. Sotnikov (p. 175), I.F. Simachina (p. 176), L.A. Zacharova (p. 177), L.N. Hmylev, I.Yu. Nicholaeva. A teacher who teaches letters but strengthens spirit	178
L.A. Golisheva (p. 184), A.S. Yanushkevich (p. 186), A.P. Baronas (p. 187), Dunaeva N.L. (p. 187), Burova T.T. (p. 188)	

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	189
---	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES	192
--	-----

предельно точно и кратко: «Нам чуждо чувство лидерства, нам не нужна конкуренция. Мы все одинаково тянем невод, и никто не хочет выделяться». Выяснилось, что во многих культурах основной ценностный ориентир рыночных отношений (прибыль) несовместим с традиционным ценностным ориентиром (сохранность культуры), который предполагает сохранность человека. Кроме того, носители традиционных культур (спустя несколько лет после вхождения в рынок) не могли не обратить внимания на то обстоятельство, что рыночные отношения предполагают иное, принципиально отличное от традиционного, воспитание. Мало соответствует требованиям рынка и современное школьное образование, хотя оно в значительной мере базируется на конкурентоспособности и индивидуализме. Отсутствие чувства социальной опасности, которое выработалось у народов Крайнего Севера в условиях, когда человек не представляет опасности для другого человека, часто приводит к трагическим последствиям и также несовместимо с законами рынка.

Особенно несовместимые явления обнаружили в сфере отношений человек – вещь. По традиционным представлениям, отражающим еще древнейший языческий пласт верований, человек уравнивается с вещами, и – даже более того – мир вещей более сакрален и сложен, чем сам человек. В таком мировоззренческом пласте человек как бы существует ради того, чтобы поддерживать многочисленные связи и отношения между вещами.

В материалистическом мировоззрении, и особенно в условиях рыночной экономики, вещь лишена символических, сакрализованных функций, она удовлетворяет, в основном, утилитарным требованиям. Это обстоятельство возвышает человека над миром вещей, делает его господином. В подобных условиях качество вещей регулируется конкуренцией, спросом. Народное сознание трудно смиряется с мыслью, что вещь не очеловечена, бездушна и меняет свою значимость в зависимости от практического применения. Точно так же обстоит дело и в сфере отношений человек – природа. Народное сознание еще нередко опирается на принципы, согласно которым лучший рыбак – это отнюдь не тот, который больше добыл рыбы, а тот, который меньше нарушил древних запретов. Любопытно, что в некоторых местах носители традиционных культур полагают: «Пусть наша продукция уходит от нас по законам рынка, а мы хотели бы жить без них». При выяснении отношения к самым разным сторонам рынка среди его сторонников и противников чаще всего приходится слышать аргумент со стороны первых следующего содержания. Любое развитие предполагает включение в процесс явления самого разного толка, в результате чего образуется некая равнодействующая, какой-то компромиссный вариант. Так образовалось, например, мировоззрение русских,

состоящее в сплаве языческих и христианских верований; так сформировалось мировоззрение коренных народов Сибири, включившее в себя традиционные анимистические верования; так оформилась культура народов Сибири, которая частично базируется на присваивающем типе хозяйства (охота и рыболовство), а частично – на производящем (земледелие и разведение скота).

Сторонники подобной позиции совершенно упускают из вида то обстоятельство, что компромиссные варианты складывались далеко не всегда, не везде и не во всем. Показано, например, что заимствование христианских символов оказывалось возможным и происходило в той степени, в какой они соответствовали уже имеющимся элементам заимствующей системы. Так же обстоит дело с формами собственности и со многими элементами духовной и материальной культуры.

Чаще всего мы имеем дело со взаимодействием таких элементов систем, которые являются взаимоисключающими. Огонь по шаманистическим и христианским верованиям уничтожает тело, но освобожденная от оков телесности душа продолжает существование. По еще более древним фетишистским представлениям носителем жизни является не душа, а само тело, поэтому огонь, уничтожая тело, уничтожает и саму жизнь. Промежуточных вариантов в отношении к огню не сложилось в силу взаимоисключающих постулатов. Не сложились компромиссные варианты при взаимодействии материалистического и других типов мировоззрений.

Не сформировались компромиссные варианты при взаимодействии форм собственности, предполагающих взаимоисключающие принципы в понимании значения и роли частной собственности: частная собственность необходима – частная собственность немыслима. При условии поддержки государством разных форм собственности, разумеется, возможны самые разные предприятия, но отдельно взятое предприятие не может базироваться на несхожих формах собственности, как один человек при оценке какого-либо явления не может руководствоваться разными мировоззрениями.

Вполне понятно, что поднятые вопросы требуют дальнейших исследований, но уже сейчас можно сделать некоторые выводы. Современная общая ситуация требует многообразия форм собственности, и весь комплекс вопросов, составляющих большую проблему, целесообразно решать регионально, но никак не централизованно.

Видимо, имеет смысл начинать исследования народного сознания самыми различными отраслями науки. Здесь бы могли объединить свои усилия гуманитарные кафедры научных центров, музеи, краеведы, любители. Безусловно, собранные данные и их интерпретация явились бы существенной частью общего гуманитарного знания.

Статья поступила в научную редакцию 11 марта 1999 г.

УДК 371.4; 373.2

А.Н. Жеравина

П.И. МАКУШИН И «ДЕТСКИЙ САД ПО МЕТОДЕ ФРЕБЕЛЯ» В ТОМСКЕ

Статья посвящена учреждению и деятельности по инициативе П.И. Макушина одного из немногих в России 70-х гг. XIX в. детских садов. Рассматривается система воспитания детей дошкольного возраста на основе методики выдающегося немецкого педагога Фребеля. Участие П.И. Макушина в открытии и попечительстве детского сада в Томске вносит важный дополнительный штрих в уже известное о его многогранной деятельности.

С середины XIX в. широкую известность получило имя крупнейшего немецкого педагога Фридриха Вильгельма Фребеля (1782–1852), сыгравшего выдающуюся роль в развитии теории и практики дошкольного воспитания. Он изложил их во многих трудах («Воспитание человека», «Материнские и ласкательные песни», «Сто песен к играм в мяч, практиковавшимся в детском

саду в Бланкенбурге», открытом им в 1840 г., а также в статьях по теории педагогики, опубликованных в издаваемом им «Воскресном листке»). Уже после смерти Фребеля его сподвижник Ланге составил книгу «Педагогика Детского сада», куда включил названные издания. На русском языке она появилась в России в 1913 г. под названием «Детский сад».

Детский сад в Бланкенбурге в 1847 г. Фребелю пришлось закрыть из-за отсутствия средств на его содержание. Но он не отказался от идеи этого воспитательного учреждения и успел заняться подготовкой «детских садовниц» – воспитательниц. В конце жизни Фребель открыл еще один сад в Мариентале, однако в 1851 г. по требованию немецких властей все детские сады в Германии были запрещены как антирелигиозные.

Фребелевская методика воспитания в детском саду базировалась на том, что ее автор считал целью воспитания – развитие природных способностей ребенка. Ядром педагогики детского сада Фребеля была игра. В ней он видел выражение внутреннего мира детей, игра использовалась как одно из средств нравственного воспитания. Подражая взрослым, через игру ребенок утверждает в правилах и нормах нравственного поведения, тренируя свою волю. Игры, считал Фребель, способствуют развитию воображения и фантазии, пробуждают детское творчество. Фребель ввел разнообразные виды детской деятельности: работу с так называемыми «дарами» – строительным материалом, подвижные игры, рисование, лепку, плетение и вырезание из бумаги, вышивание, выкладывание из металлических колец, палочек, бус. Многие из этих занятий применяются и в современных детских садах.

Детские сады, преследуемые при жизни Фребеля, с 60-х гг. XIX в. получили распространение, а к концу столетия заняли ведущее место в системе дошкольного воспитания во многих странах. Распространение идей Фребеля во второй половине XIX в. было связано с деятельностью его учеников и последователей, некоторые из них стали организаторами первых народных детских садов для детей пролетариата [1; 2. С. 351; 3. С. 56–62].

В России интерес к системе Фребеля проявился с 60-х гг. XIX в. Его методика освещалась на страницах журнала «Детский сад», издававшегося с 1866 г. К наследию Фребеля в те годы высказывали свое отношение выдающиеся русские педагоги – В.И. Водовозов, Е.Н. Водовозова, К.Д. Ушинский. К глубокому сожалению, советскому читателю длительное время это отношение подавалось в искаженном виде. Русским педагогам приписывались оценки Фребеля, которых они не высказывали. В угоду признанию единственно верной основой воспитания – теории марксизма-ленинизма – система Фребеля в течение десятилетий упоминалась и анализировалась лишь со знаком минус под названием «фребелизм», «неофребелизм» [4. С. 12–14; 5–7] либо не упоминалась вообще, словно ее и не было [8–12].

В наше время в 70-х гг. в Томске было широко отмечено 150-летие со дня рождения К.Д. Ушинского. Студенты педагогического института в ходе подготовки к этому юбилею написали около 70 рефератов, в том числе и по проблеме «К.Д. Ушинский о зарубежных педагогах (Локке, Руссо, Дистервеге, Гербарте и др.)». Может быть, Фребель подразумевался в числе «других», но в материалах научной конференции он не назван ни разу [13]. Лишь в немногих публикациях последних лет по истории зарубежной педагогики система дошкольного воспитания детей, разработанная Фребелем, получила объективную оценку и заняла достойное место [3. С. 52–62; 14; 15].

Отношение русских педагогов к системе Фребеля изучается в специальном исследовании. «Пальму первенства и глубину критики «фребелизма» (выделено мной. – А.Ж.) некоторые исследователи отдавали К.Д. Ушинскому» [4. С. 13]. Детальный анализ творческого и практического наследия Фребеля К.Д. Ушинским дан в его «Отчете о командировке за границу», составленном в 1867 г. по итогам 5-летнего изучения им постановки школьного дела за рубежом [16]. Специальный раздел «Отчета...», вылившегося в научный трактат, посвящен «Детскому саду». В нем с удовлетворением отмечено применение за границей фребелевских игр и занятий не только в детских садах, но и в привотах.

Лично ознакомившись с детскими садами в Германии с единственной целью «самому узнать правду», К.Д. Ушинский пришел к убеждению о наличии в идее детских садов зерна правды, «которое с течением времени, очистившись от своей шелухи, ляжет в общую сокровищницу педагогических приобретений человечества» (выделено мной: не немецкой нации, а человечества! – А.Ж.)... Несомненная заслуга Фребеля состоит в том, что он первый (выделено мной. – А.Ж.) обратил внимание на развитие детей младшего возраста, на их характер,

стремления, склонности и взглянул на детскую жизнь как на жизнь относительно полную и законным потребностям которой должны удовлетворять взрослые».

К.Д. Ушинский, отвечая на вопрос, что принципиально нового содержится в системе Фребеля, особо отмечал: «Педагоги забывали, что ребенок не только готовится жить, но что уже живет и что эта жизнь имеет свои права и потребности. Но так как в жизни ребенка игра составляет то же самое, что для взрослого человека всякая так называемая серьезная деятельность, то естественно, что Фребель обратил преимущественное внимание на игры детей».

Суждения К.Д. Ушинского свидетельствуют о высокой оценке им вклада Фребеля в разработку системы детского воспитания. Хотя в целом он исходил из того, что «немецкая педагогика не общечеловеческая, а строго национальная, и потому для России, очевидно, не пригодна. Русским педагогам нужно создавать свою педагогию, а не заимствовать ее у немцев», в системе Фребеля он увидел ценное для педагогики всего человечества.

Критические замечания К.Д. Ушинского сводились не к отрицанию самой системы Фребеля, а к неприятию некоторых методов и средств ее осуществления. И в этом случае русский педагог проявил огромный такт по отношению к своему коллеге, понимая причины возникновения сложных моментов в практическом использовании «методы» Фребеля: «Как всякий нововводитель, он слишком увлекся, слишком систематизировал их (игры. – А.Ж.) и придумал много таких, в которых мало детского».

К.Д. Ушинский не ограничился констатацией того, что не устраивало его в системе Фребеля, он с пониманием отнесся к невероятно сложной задаче, которую решал Фребель: «... придумать детскую игру есть, может быть, одна из труднейших задач для взрослого человека. Фребель поступил бы, может быть, лучше, если бы разработал те детские игры, которые придуманы уже веками и в которые играет и русский мальчик, и маленький итальянец, и маленький индеец на берегах Ганга, в которые играют и наши дети и играли дети древних греков и римлян». Актуальными для сегодняшнего дня остаются перспективы, намеченные К.Д. Ушинским в развитии идеи Фребеля о роли игры как воспитательного средства: «Детские игры ожидают своего историка, который с удивлением заметит, как какая-нибудь игра с необыкновенной верностью и даже точностью, потерявшей иногда всякий смысл, передавалась из поколения в поколение через несколько тысячелетий. Обратив внимание на эти народные игры, разработать этот богатый источник, организовать их и создать из них превосходное и могущественное воспитательное средство – задача будущей педагогики».

К.Д. Ушинский достаточно резко отозвался о придуманных Фребелем играх, в которых оказалось «много искусственного и не детского. Песенки, по большей части, скучны, натянуты, написаны очень дурными стихами, которые, по замечанию швейцарского педагога Фрелиха, могут только портить вкус ребенка, а главное, проникнуты несносным для детей дидактизмом». С сожалением он отмечал: «Странное дело, как Фребель, знавший так хорошо детскую природу, выпустил из виду то, что мораль в песнях ничему не может выучить пятилетних детей. Здесь он был, кажется, увлечен общей немецкой страстью морализировать и кстати, и некстати».

Однако главное в оценке системы Фребеля состоит в признании ее достоинств: «...игры Фребеля, а еще более придуманные им или собранные детские занятия... в руках хорошей наставницы, понимающей инстинктивно потребности детской природы и умеющей удовлетворять им..., приносят много пользы». В этом К.Д. Ушинский убедился, побывав в детском саду госпожи Мирбах. По его признанию, «такого природного педагога, такой развитой по уму и по сердцу женщины... редко случалось видеть» Использование занятий и игр, придуманных Фребелем, «облегчили воспитательнице ее труд, дали ей средства, которых она сама во всей их полноте, может быть, не отыскала бы скоро». Он пришел к твердому убеждению: там, где можно устроить детские сады «под руководством наставницы, обладающей педагогическим талантом», способной приучить детей «к общественности», сглаживать «угловатости характеров детей», научить их «играть вместе, что очень важно, уступать и помогать друг другу, полюбить порядок, стройность, гармонию в звуках, цветах, фигурах, движениях, в словах и поступках», необходимо устраивать их «по возможности скорее».

Но, на взгляд К.Д. Ушинского, этим не ограничивается польза, которую можно извлечь из идей Фребеля: «Многие из его игр, и в особенности многие из его детских занятий, упростив, следует ввести в детские приюты, во все малолетние школы и даже в младшие классы всех учебных заведений». Он отметил исключительную роль системы Фребеля и в домашнем воспитании и обучении, радовался тому, что «издания различных детских занятий и игр по методу Фребеля во множестве расходятся в Германии, проникая и в другие страны» [16].

Можно считать, что К.Д. Ушинскому принадлежит огромная заслуга в том, что он дал глубокий анализ теоретического наследия и объективную оценку практической значимости идей Фребеля. Они нашли применение и в России. В 1871 г. окончившие курсы для учительниц и детских садовниц в Готе Н.К. Задлер и Е.А. Вертер создали в Петербурге Фребелевское общество, на базе которого началась подготовка «детских садовниц». В 1873 г. Н.К. Задлер и Е.А. Вертер открыли первые в России детские сады по системе Фребеля. В 70-х гг. такие сады появились в Москве, Ораниенбауме, Варшаве, Киве, Одессе, Таганроге, в ряде других городов [2. С. 351–353; 17], в том числе и в Томске, где в роли учредителя детского сада выступил П.И. Макушин.

Педагогические дарования П.И. Макушина, проявившиеся во время его работы в школе при алтайской миссии и в должности смотрителя Томского духовного училища, с достаточной полнотой раскрыты Т.В. Сталевой [18. С. 38–52]. Причастность же П.И. Макушина к устройству в Томске «Детского сада по методу Фребеля» еще не привлекала внимание исследователей.

С системой Фребеля П.И. Макушин ознакомился в годы учебы в Духовной академии в Петербурге, когда приобрел книгу Дарагамана «Руководство по детским

садам по методике Фребеля» [18. С. 39]. Не удалось установить, когда он обратился к генерал-губернатору Западной Сибири за разрешением на открытие сада. В одном из августовских номеров «Томских Губернских ведомостей» за 1874 г. сообщалось, что такое разрешение получено, но открытие откладывается «за неприбытием из Санкт-Петербурга садовницы». А 9 ноября этого же года в «Томских Губернских ведомостях» появилось объявление: «С 1 января 1875 г. в Томске имеет открыться с дозволения высшего начальства Детский сад. Детей принимают обоюбого пола всех сословий и вероисповеданий с 5-ти до 9-ти лет. Плата за обучение 2 р. 50 к. в месяц. Желающие поместить своих детей в упомянутое училище могут обратиться со словесною просьбою к дочери подполковника Татьяне Александровне Леонтьевой, живущей в доме Косоносова под Юрточной горой на Дворянской улице».

П.И. Макушин считал возможным использовать систему Фребеля не только для воспитания детей дошкольного возраста, но и при обучении школьников, соединив в одном учреждении собственно детский сад и «элементарную школу». В программе занятий, заявленной Макушиным, предусматривались наглядное обучение, рисование, письмо, обучение грамоте, счет, пение, первые сведения из Закона Божия. Время пребывания детей в школе планировалось с 9 часов утра до 1 часа дня ежедневно, кроме воскресенья и праздничных дней. Учредитель гарантировал обеспечение воспитанников всеми необходимыми материалами (книгами, тетрадями, карандашами и проч.) за плату в 1 р. на весь период обучения. П.И. Макушин объявил о праве «всякого и во всякое время» на посещение школы при одном единственном условии, что «господа посетители не должны разговорами и замечаниями нарушать порядок занятий».

Редакция «Томских Губернских ведомостей» пожелала «полного успеха и доверия публики», обратив особое внимание на преимущества в обучении и воспитании ребенка в такого рода школе-саде перед домашним воспитанием и обучением: «При одиночном обучении нет примера в товарищах, настойчивым трудом одолевающих ту или иную трудность, нет интереса и возбуждения к работе, которые значительно поддерживаются соревнованием при совместном обучении нескольких детей. Вообще при одиночном воспитании и обучении детей нередко замечается отсутствие выработки характера и правильно направляемой воли». Газета выразила надежду, что школа-сад П.И. Макушина «многим даст возможность избежать этих недостатков» и пожелала от души, чтобы «господин Макушин также внимательно отнесся к своей школе, как некогда относился он к здешнему духовному училищу, будучи смотрителем оною» [19].

До прибытия из Петербурга Т.А. Леонтьевой Макушин при поддержке губернатора Томской губернии решил вопрос относительно средств, необходимых на содержание открываемого в Томске учреждения. Сам он в то время денег на это дело пожертвовать не мог, ибо на развертывание книжной торговли взял 5 тыс. руб. у купца П.В. Михайлова, поверившего в перспективность задуманного им дела. Содержание сада взял на себя купец 1 гильдии г. Томска И.Ф. Каменский.

К моменту открытия сада 2 января 1875 г. было зачислено 12 детей, 10 из них – без платы. Занятия начались 7 января в «наемном доме мещанина Косоносова», но до конца года с увеличением числа воспитанников сад дважды переезжал. При этом второй переезд состоялся не только «по тесноте помещения», но и «для удоб-

ства посещения Детского сада бедными детьми... в ту часть города, где последние имеют место жительства».

В течение 1875 г. всего было зачислено 70 воспитанников, к концу года осталось 60, 10 выбыли по разным причинам. Из оставшихся – 42 воспитанника содержались полностью на средства Каменского, с остальных 18 бралась плата «за учение и завтрак» в размере 30 р. Всеми пособиями можно было пользоваться бесплатно, а желающим иметь собственные тетради, карандаши и разные материалы для занятий не запрещалось приобретать их за плату.

По вероисповеданию 55 воспитанников были из семей православных, 1 – из католиков, 4 – из иудеев; по сословной принадлежности: дети чиновников (9), купцов (14), мещан (20), крестьян (15), духовных (1); по возрасту среди детей больше всего оказалось детей 7–8 лет; мальчиков – 43, девочек – 17. Всех воспитанников распределили по «отделениям» (группам), в каждом из которых насчитывалось от 9 до 16 ребят.

Занятия начинались в 9.30 утра и продолжались до 2 часов дня, а в августе Т.А. Леонтьева предложила детям старшей группы (12 человек) и некоторым ребятам средней группы оставаться в саду до 4 часов дня для искоренения у них «дурных привычек». В эти дополнительные часы пребывания в саду дети занимались «практическими работами» и по 2 раза в неделю – гимнастикой. В случае отсутствия по какой-либо причине учителя гимнастики А.А. Вестмана начальница сада Т.А. Леонтьева читала им что-нибудь или читал кто-то из ребят, а остальные в это время работали: шили, вязали, плели. В конце 1875 г. детей стали учить вязанию на спицах. Почти все ребята старшей группы научились с помощью переплетчика Ю.Ф. Нарбут переплетать тетради, а трое – и книги, четверо научились свободно владеть пилой и рубанком.

Использование системы Фребеля проявилось на занятиях гимнастикой, в подвижных играх, которые проводились в сопровождении песен или без них на каждой 15-минутной перемене между уроками, продолжавшимися по 30 мин. Перемена после 3-го урока длилась час, ее хватало и на игры, и на завтрак. После мясного завтрака давался чай, а весной и летом через день дети получали молоко. Начальница сада придерживалась при выборе пищи для воспитанников «физиологических положений Реклама» (профессора медицины из Лейпцига, некоторые его сочинения были переведены на русский язык, в том числе «Питание и выбор пищи по возрастам, временам года и состоянию здоровья») [20].

Воспитанники сада по очереди дежурили (во время отдыха на перемене прибирали в комнатах для занятий, накрывали столы для завтрака скатертями, раскладывали салфетки, ножи, вилки, черный и белый хлеб, подавали завтрак, помогали прислуге чистить и мыть посуду). В подготовительной группе воспитанников приучали к порядкам сада. Занятия с ними ограничивались играми «по Фребелю», счетом до 5, передачей маленьких рассказов из журнала «Детский сад», беседами об окружающих предметах.

В младшей группе обучали чтению и письму по «звуковой методе» Н.А. Корфа, устроителя первых в России краткосрочных начальных школ, автора учебников и руководств для народной школы, в т.ч. книги для чтения в народной школе «Наш друг», первой книги после азбуки для народной школы и семьи [21]. Для бесед использовались темы и материалы, рекомендованные журналом «Учитель» в 1869 г. Рассказы для чтения подбирались из журнала «Детский сад» за 1866–1868 гг. В этой группе учили счету до 10. При ор-

ганизации занятий по труду исходили из установок Фребеля, чтобы труд детей не пропал даром, «а вышла полезная вещица». Сделанное руками детей отдавалось им.

В средней группе на занятиях по чтению работали с книгой К.Д. Ушинского «Родное слово», по письму – практиковалось написание под диктовку кратких предложений, слов, а также разложение слов на слоги и звуки, работа с гласными, согласными, полугласными, подлежащим, сказуемым. По «Книге первоначального чтения» В.И. Водовозова, «Краткой зоологии», «Элементарному курсу зоологии с приложением задач и летних занятий по зоологии» К.К. Сент-Илера проводились беседы о пользе человеку от лесов, о домашних животных и птицах, раках, пауках, дождевых червях. Ребята этой группы учились считать до 30, писать цифры до 150, определять единицы, десятки, сотни, прибавлять и отнимать на счетах единицы, десятки. Практические занятия проводились по переплетному мастерству, изготовлению цветов из бумаги, вязанию спицами штор, шитью и вязанию. По «Фребелевской методе» занимались плетением, выкальванием и вышиванием по картону, столярными работами.

8–9-летних ребят старшей группы обучали грамоте и письму по книгам К.Д. Ушинского, устно и письменно решать задачи, выполнять все четыре действия. Дети учились писать и выговаривать цифры до миллиона, сложению и вычитанию на счетах, их знакомили с дробными числами. По зоологии проходили разделы, касающиеся понятий о человеке, млекопитающих, травоядных, хищных животных и грызунах, домашних птицах. При знакомстве с растительным миром детей учили отличать хвойные и лиственные деревья, хлебные растения, цветы, травы. На занятиях им рассказывалось об «ископаемых металлах», минералах, стекле, коже, сахаре, писчей и «пропускной» бумаге, пряностях, жидкостях, в том числе о чернилах, которые затем дети сами «варили». Прослушав рассказ о картофеле, они получали из него крахмал.

За неимением при доме Косоносова сада первоначально воспитанники занимались весной посадкой цветов и овощей в деревянных ящиках и глиняных горшках. После второго переезда в новое помещение Т.А. Леонтьева недалеко от него арендовала небольшой участок земли с тенистым садом, в котором в хорошую погоду дети завтракали, а главное – занимались посадкой цветов, огородных овощей и хлебных растений. Весной 1875 г. на этом участке они посеяли пшеницу, ячмень, гречиху, овес, лен, коноплю, а осенью – рожь.

В старшей группе проводились занятия по «родноведению» с рассказом о доме, в котором находился детский сад, пристройках при нем, комнате для занятий со всем ее интерьером, затем – о городе, государстве. Ребятам давались начальные сведения по русской истории (о начале Руси, призвании князей, основании Киева, киевских князьях, принятии христианства Ольгой, крещении Руси Владимиром, об Александре Невском, Петре Великом). Два раза в неделю с детьми этой группы проводились занятия по черчению, на которых они рисовали свой класс, план дома, полушария. Для желающих было введено изучение французского языка.

П.И. Макушин принял деятельное участие в обеспечении сада учебными пособиями, журналами, литературой по проблемам педагогики. Уже в первый год существования сада в нем было 110 названий книг по педагогике, для детского чтения – 140 книг. На выпуск книг, журналов, приобретение учебного материала, пособий И.Ф. Каменский в 1876 г. выдал 500 р., потраченных по назначению. По мере выхода из печати журналов «Семья и школа», «Детское чтение», «Детский сад», «На-

родная школа», «Педагогический листок» воспитательницы сада имели возможность ознакомиться с новыми материалами на педагогические темы. Кроме журналов для сада на 1876 г. было выписано 377 названий книг.

На занятиях дети пользовались весами и гирьками весом до 1 фунта, компасом. Их знакомили со складной саженью, метром, географическими картами, картинками с изображением времен года, картинками по русской истории, зоологическим атласом, «главными типами народов из гипса». В детском саду имелся даже теллурий – прибор для демонстрации годового движения Земли вокруг Солнца и суточного вращения ее вокруг своей оси, а также глобус, небольшой минералогический кабинет. Делались первые шаги по созданию экспонатов для изучения животного мира (в виде засушенных раков). В арсенал наглядных пособий входили геометрические тела, изготовленные из картона детьми старшей группы. Треугольник, транспортир, микроскоп, счеты, стол с подвижной азбукой, переплетные, столярные станки, инструменты для столярных работ и переплета книг, пилы для ажурных работ, паяльцы со спицами – все это свидетельствовало о стремлении сделать процесс воспитания детей наиболее содержательным.

Перезеды сада нарушали нормальный ритм занятий. Но они диктовались поиском дома, наиболее пригодного для полноценного функционирования сада. За «наем» новой квартиры пришлось платить дороже, чем платили Косонову, но зато сад разместился в удобных светлых комнатах. Появилась возможность оборудовать гимнастическими снарядами спортивный зал, иметь отделенную от него колоннами комнату отдыха; установить в комнатах шкафы для хранения книг, учебных пособий, изделий, изготовленных детьми. Для оборудования интерьера дома потребовались дополнительные средства, почти вдвое превысившие расходы 1875 г. – «на прибавку мебели, посуды и столового белья» в размере 325 р. Улучшение материальной базы сада позволило с августа 1876 г. открыть при нем «элементарную школу», как и было задумано сразу, с целью «не только приготовить детей в известный класс мужской или женской гимназии» (начальница полагаала, что это не трудно сделать), «но главное по возможности научить детей охотно работать и подготовить их к самостоятельной деятельности». В школу были зачислены дети старшей группы и принято еще 8 учащихся, всего их стало 20. В собственно детском саду оказалось 83 воспитанника, в т.ч. 44 мальчика и 39 девочек; по вероисповеданию: 77 православных, 1 – из католиков, 5 – из иудеев; по социальной принадлежности – дети дворян (12), купцов (11), мещан (24), крестьян (30), солдат (6). По возрасту в подавляющем большинстве (74 воспитанника) от 4 до 8 лет.

В школе занятия велись по программе подготовительного класса гимназии, которая в то время в Томске испытывала острую нужду в приеме в 1-й класс учащихся с соответствующей подготовкой по русскому языку и арифметике. Педсовет Томской гимназии вынужден был осенью 1875 г. предупредить родителей, собирающихся в будущем году отдать своих детей в гимназию, что если последние будут так же плохо подготовлены, как зачисленные в гимназию в августе этого года, их не примут в 1-й класс [22].

Воспитание детей в созданном «по методу Фребеля» учреждении в Томске базировалось на достижениях педагогической мысли того времени. Устроители сада заботились о содержании познавательных занятий с детьми, об

умелом использовании потребностей детского тела и души в здоровом быте, нормальном питании, в движениях, эмоциональном заряде во время пребывания в детском саду. В них закладывались основы материалистических познаний о природе, растительном и животном мире.

Одним из средств нравственного воспитания в то время являлось воспитание религиозных чувств. В детском саду, учрежденном стараниями П.И. Макушина, оно проводилось по четко разработанной программе.

Эмоциональный заряд воспитанников сада обеспечивался большим арсеналом наглядных средств обучения и воспитания, непосредственного общения с природой, знакомства с доступной для детского восприятия литературой. Значительным событием в жизни воспитанников сада-школы явилось проведение накануне 1877 г. праздника елки, на что были потрачены немалые деньги – 250 р.

Среди воспитанников были бедные дети. Они содержались бесплатно, а наиболее остро нуждающиеся вдобавок к этому обеспечивались одеждой и обувью. В 1876 г. на это было израсходовано 120 р.

Юридическое положение детского сада оказалось неопределенным. Не случайно Т.А. Леонтьева в отчете за 1875 г. особо отметила, что он – учреждение ни казенное, ни общественное [23].

В том виде, в котором планировалось открытие и функционирование детского сада, он просуществовал до 1881 г. 17 февраля 1879 г. И.Ф. Каменский обратился к директору училищ Томска с письмом, в котором уведомлял, что, затратив на содержание сада со времени его открытия 27 тыс. р., дает еще средства до 24 марта текущего года. 27 марта Томская городская Дума по предложению директора училищ рассмотрела вопрос о дальнейшей судьбе сада. Вынеся И.Ф. Каменскому благодарность «за весьма значительные пожертвования на содержание благотельного и воспитательного учреждения для детей томских горожан», Дума по просьбе директора училищ решила не допустить закрытия «весьма полезного воспитательного и образовательного учреждения в Томске». В детском саду к этому времени содержалось более 100 детей, для обучения которых не хватило бы места в существовавших в то время в городе училищах. Для этого потребовалось бы открыть еще одно приходское училище. Это уже предусматривалось городской сметой в 1875 и 1876 гг., но не было выполнено.

Городская Дума постановила выделить из бюджета города деньги на содержание сада в апреле и мае 1879 г. в сумме, отпускаемой для приходского училища. Было также решено просить городского голову войти с ходатайством «о даровании» И.Ф. Каменскому «звания почетного попечителя Детского сада». С декабря 1879 г. попечителем сада стал П.И. Макушин. Осенью 1880 г. по решению городской Думы Детский сад разделили на 2 училища – мужское и женское. Оба они по «местоположению» были названы Подгорными [24].

Сам факт устройства и характер деятельности одного из немногих в России 70-х гг. XIX в. воспитательных учреждений подобного рода – событие весьма значительное не только в истории Томска, но и страны. Участие П.И. Макушина в учреждении и попечительстве «Детского сада по методу Фребеля» в Томске – дополнительный штрих к тому, что мы знаем о многогранной деятельности этого «поистине изумительного по своей энергии человека» [25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Нечаев А.П. Фребель // Энциклопедический словарь: Изд.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. Т. XXXV. Кн. 72. СПб., 1902. С. 689–691.
2. Янжуль Е. Детский сад // Там же. Т. XI. Кн. 21. СПб., 1893.

3. История педагогики / Под ред. М.Ф. Шабаевой: Уч. пособие для студентов пед. институтов по специальности № 2110 «Педагогика и психология (дошкольная)». М.: Просвещение, 1981. С. 56–62.
4. Фролова О.А. Е.Н. Водовозова о воспитании детей дошкольного возраста. М.: Учпедгиз, 1949.
5. Фролова О.А. Система учреждений дошкольного воспитания в СССР: Пособие к изучению курса дошкольной педагогики для студентов-заочников дошкольных отделений пед. институтов. М., 1962. С. 39.
6. Творческие игры в детском саду. Из опыта работы московских детских садов / Сост. Д.В. Меджеричкая, Е.Д. Татищева. Минск, 1953. С. 197.
7. Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники): Сб. науч. тр. / Под ред. Э.Д. Днепров. М., 1980. С. 7.
8. Лакин И.Е. Хрестоматия по истории педагогики. Минск: Высшая школа, 1971. 608 с.
9. Проблемы воспитания в истории советской и зарубежной педагогики: Сб. тр. М., 1977. 205 с.
10. Зейлингер-Рубенштейн Е.Н. Очерки по истории воспитания и педагогической мысли. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 108 с.
11. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. М.: Просвещение, 1981. 528 с.
12. Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаева М.Ф. История педагогики. 5-е изд., доп. и перераб. М.: Просвещение, 1982. 447 с.
13. Вопросы истории педагогики: Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения К.Д. Ушинского. Томск, 1975. 192 с.
14. Огородникова И.И. Теоретическое обоснование целей и задач воспитания // Борьба прогрессивных и реакционных течений в педагогике Запада эпохи монополистического капитализма (конец XVIII – XIX вв.) // Сб. научн. тр. М., 1983. С. 24–32.
15. Менделина С.Л. Разработка проблемы методов и организационных форм обучения в буржуазной педагогике // Там же. С. 32–39.
16. Ушинский К.Д. Отчет о командировке за границу // Собр. соч.: В 11 т. Т. 6. М.–Л.: Изд-во Акад. пед. наук, 1948. С. 497–500.
17. Фребелевское общество // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. Т. XXXVI. С. 688.
18. Сталева Т.В. Сибирский просветитель Петр Макушин. Томск: Томское книж. изд-во, 1990.
19. Томские Губернские ведомости (далее – ТГВ). 1874. № 32. 17 августа.
20. Реклам // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. Т. XXVI. Кн. 52. СПб., 1899. С. 528–529.
21. Корф Н.А. // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. Т. XVI. Кн. 31. СПб., 1895. С. 355–356.
22. ТГВ., 1875. № 40. 11 октября.
23. ТГВ., 1876. № 21. 29 мая; 1877. № 5. 29 января.
24. Свод постановлений Томской городской Думы с 1876 по 1881 г. Томск, 1903. С. 863.
25. Полувековой юбилей П.И. Макушина. Томск, 1917. С. 171.

Статья поступила в научную редакцию 20 марта 1999 г.

УДК 94/99; 93/99(4/9)

А.А. Малолетко

КАЗАКИ В ИСТОРИИ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО (АЛТАЙСКОГО) ГОРНОГО ОКРУГА (1726–1917 гг.)

Описана роль казачества в истории горного округа, структура воинства, служба. Охранную службу в округе несли бело- и черноместные, городовые, горные и линейные казаки.

Известный уральский заводчик А.Н. Демидов подал 19 января 1726 г. в Берг-Коллегию заявку на восемь месторождений, упомянув руды «над озером Колываном» и «со Змеевой горы». 16 февраля 1726 г. им была получена Берг-привилегия – разрешение на добычу руд и выплавку меди «в Томском и Кузнецком уездах». К началу 1727 г. на берегу Локтевки появился небольшой посёлок мастеровых, высилась деревянная крепость и дымили две плавильные печи, в которых переплавляли руду из близлежащего Воскресенского месторождения. С этого и началось горнопромышленное развитие края. Однако заводы оказались вблизи крайне неспокойных регионов, откуда в любую минуту могли нагрянуть воинственные кочевники. Требовалась охрана заводов и первых русских поселений. В то время в Западной Сибири «силовики» были представлены гарнизонами регулярного и иррегулярного воинства.

По указу Сената на алтайские заводы были посланы «из городовых казаков посменно команды», а также солдаты Кузнецкого гарнизона и беломестные казаки Бердской и Белоярской крепостей. Главную роль в охране округа и поддержании «порядка и спокойствия» в нем играли казаки.

Городовые казаки охраняли заводы с самого момента их строительства. К осени 1727 г. для защиты завода Демидов получил 50 тарских казаков, которых он вооружал и содержал на свой счёт. Но заводской канцелярии казаки требовались не только и не столько для охраны, сколько для горнозаводских работ. В декабре 1747 г. военная коллегия разрешила определять в работу военнослужащих, если для обороны «нужды не будет». Казаки работали на заводах и рудниках, жгли уголь, гнали дёготь и смолу. Однако горное начальство не считало это лучшим выходом из создавшегося положения, поскольку такие работники «к научению ни-

какой прилежности не имеют, но токмо время продолжают и смен поджидают» [1. С. 98–99]. Сибирский приказ также разрешил использовать казаков на временной работе, но запретил «выключать» их из комплекта без указа императрицы [2]. Казаки отчаянно противились «переквалификации». Определение в «бергаурскую науку» они рассматривали как весьма тяжёлое наказание и просили перевести их на военную службу с последующим освобождением от горных работ. Однако выбор был невелик, и казаки были единственным резервом рабочей силы. На заводы и в горную работу казаки привлекались и в 50-е гг. XVIII в.

По Высочайшему Указу от 3 марта 1748 г. в округ стали поступать городовые казаки из гарнизонов Западной Сибири. Гарнизоны неохотно отдавали служивых, не обеспечивая их комплектом вооружения. Безлошадные были обязаны заработать деньги на покупку, «*ибо лошади тамо не в высокой цене состоят»* [1. С. 81].

Особую группу служивых составляли сибирские дворяне и боярские дети. Дворяне были привилегированной группой, но они происходили не из дипломированных дворян, а из рядовых служивых, отмеченных за личные заслуги или за выслугу лет. Сословие детей боярских было рангом ниже, нежели дворянское. Каждый казак за заслуги мог быть записан в боярские дети, затем мог попасть и в дворяне по московскому списку [3. С. 50].

До середины XIX в. сохранившиеся формирования городовых казаков выполняли полицейско-хозяйственные функции, оставаясь главным внутренним стражем в уездах [4].

Новая ситуация, сложившаяся во второй половине XIX в., позволила отказаться от услуг городовых казаков. 17 июня 1868 г. по представлению Военного ми-